

Джордж РР.

МАРТИН

GEORGE R.R.
MARTIN

A CLASH OF KINGS

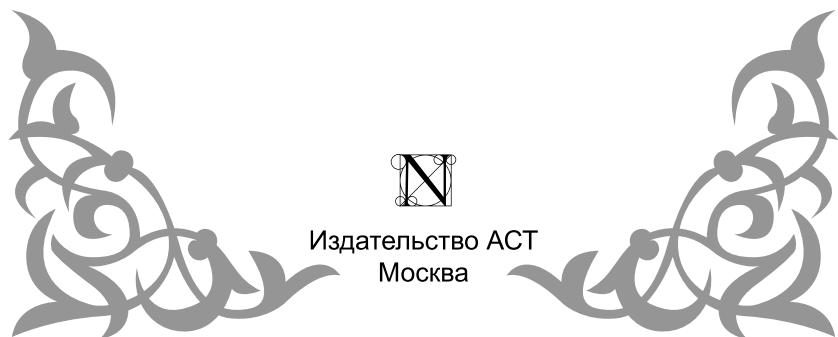

Джордж Р.Р.
МАРТИН

БИТВА КОРОЛЕЙ

Из цикла
«Песнь льда и огня»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
М29

Серия «Мастера фантазии»

George R. R. Martin
A GLASH OF KINGS

Перевод с английского Н.И. Виленской

Оформление и компьютерный дизайн А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 12.12.2025. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. 49. Доп. тираж экз. Заказ № .

Мартин, Джордж Р. Р.

М29 Битва королей: из цикла «Песнь льда и огня»: [фантастический роман] / Джордж Р. Р. Мартин; [пер. с англ. Н.И. Виленской]. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 776, [8] с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-038724-3

Джордж Мартин — «живой классик» мировой фантастики, талантливейший из современных мастеров фэнтези, чьи произведения удостоены самых высоких наград жанра.

Его шедевром по праву считается эпопея «Песнь льда и огня» — величайшая фэнтези-сага со времен Толкина!

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© George R. R. Martin, 1999
© Перевод. Н.И. Виленская, 2000
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ПРОЛОГ

Н вост кометы рассек утреннюю зарю. Красная полоса кровоточила, словно рана, на розовато-пурпурном небосклоне над утесами Драконьего Камня.

Мейстер стоял на овеваемом ветром балконе своих покоев. Сюда к нему прилетали вороны после долгих странствий. Они порядком загадили горгулий — адского пса и двуногого дракона, возвышавшихся на двенадцать футов по обе стороны от него, двух из тысячи изваяний, хранящих стены древней крепости. Когда мейстер впервые приехал на Драконий Камень, армия каменных чудовищ наводила на него оторопь, но с годами он к ним привык и думал о них, как о старых друзьях. Сейчас он вместе с горгульями взирал на небо с недобрым предчувствием.

Мейстер Крессен не верил в дурные предзнаменования. И все же... За всю свою долгую жизнь он не видел кометы столь яркой и такого жуткого цвета — цвета крови, пламени и заката. Может быть, горгульи видели? Они здесь пробыли гораздо дольше, чем он, и останутся здесь, когда его не будет. Если бы их каменные языки могли говорить...

Что за глупые мысли. Мейстер оперся на парапет. Внизу о берег било море, пальцы ощущали шероховатость черного камня. Говорить с горгульями и читать на небе приме-

ты! Никчемный старик, впавший в детство. Неужели приобретенная тяжким опытом мудрость покинула его вместе со здоровьем и силой? Он мейстер, обученный и получивший нагрудную цепь в прославленной Староместской Цитадели. И все это ради того, чтобы теперь предаваться суевериям, словно невежественный крестьянин?

И все же, все же... Комета последнее время пылала даже днем, и бледно-серый дым поднимался над Драконьей горой позади замка, а вчера белый ворон принес из самой Цитадели давно ожидаемую, но оттого не менее устрашающую весть о конце лета. Предзнаменования слишком многочисленны, чтобы закрывать на них глаза. Знать бы только, что они означают.

— Мейстер Крессен, к нам пришли, — произнес Пилос мягко, словно не желая вторгаться в мрачные думы старика. Знай он, какая чепуха у старца в голове, он заорал бы в голос. — Принцесса хочет посмотреть белого ворона. — Пилос, всегда точный в словах, называет ее принцессой, поскольку ее лорд-отец теперь король. Король дымящейся скалы посреди соленого моря, но тем не менее король. — С нею ее дурак.

Старик повернулся спиной к рассвету, придерживаясь за дракона, чтобы не упасть.

— Проводи меня до стула и пригласи их сюда.

Пилос, взяв Крессена за руку, ввел его в комнату. В молодости Крессен был скор на ногу, но к восьмидесяти годам ноги стали подкашиваться под ним. Два года назад он упал и сломал себе бедро, которое так и не срослось как следует. В прошлом же году, когда он занемог, Цитадель прислала сюда Пилоса — всего за несколько дней до того, как лорд Станнис закрыл остров... чтобы помочь Крессену в его трудах, так было сказано, но Крессен-то знал, в чем дело. Пилос должен заменить его, когда он умрет. Крессен не возражал. Надо же кому-нибудь занять его место — и случится это скорее, чем ему бы хотелось.

Младший мейстер усадил его за стол, заваленный книгами и бумагами.

— Приведи ее. Негоже заставлять леди ждать. — Он махнул рукой, чтобы поспешали, — слабый жест человека, не способного более спешить. Кожа его сморщилась, покрылась пятнами и так истончилась, что под ней виднелись жилы и кости. И как они дрожали теперь, эти руки, некогда столь ловкие и уверенные...

Пилос вернулся с девочкой, робеющей, как всегда. За ней, подсакивая боком, как это у него водилось, тащился ее дурак в

потешном колпаке из старого жестяного ведра, увенчанном оленьими рогами и увешанном коровьими колокольцами. При каждом его прыжке колокольчики звенели на разные лады: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

— Кто это жалуется к нам в такую рань, Пилос? — спросил Крессен.

— Это мы с Пестряком, мейстер. — Невинные голубые глаза смотрели на него с некрасивого, увя, лица. Дитя унаследовало квадратную отцовскую челюсть и злосчастные материнские уши, а тут еще последствия серой хвори, едва не уморившей ее в колыбели. Одна щека и сторона шеи у нее омертвела, кожа там расстрескалась и лупится, на ощупь словно каменная и вся в черных и серых пятнах. — Пилос сказал, что нам можно посмотреть белого ворона.

— Ну конечно, можно. — Разве он мог в чем-нибудь ей отказать? Ей и так слишком во многом отказано. Ее зовут Ширен, в следующие именины ей исполнится десять лет, и она самый печальный ребенок из всех детей, которых знал мейстер Крессен. «Ее печаль — это мой позор, — думал старик, — еще одна моя неудача». — Мейстер Пилос, сделайте мне одолжение, принесите птицу с вышки для леди Ширен.

— С величайшим удовольствием. — Пилос — учтивый юноша. Ему не больше двадцати пяти, но держится он степенно, как шестидесятилетний. Ему бы чуточку больше юмора, больше жизни — вот то, чего здесь недостает. Мрачные места нуждаются в свете, а не в серьезности, Драконий же Камень мрачен как нельзя более: одинокая цитадель, окруженная бурными солеными водами, с дымящейся горой на заднем плане. Мейстер должен ехать, куда его посылают, поэтому Крессен прибыл сюда со своим лордом двенадцать лет назад и служил ему усердно. Но он никогда не любил Драконий Камень, никогда не чувствовал здесь себя по-настоящему дома. В последнее время, пробуждаясь от беспокойных снов, в которых ему являлась красная женщина, он часто не мог сообразить, где находится.

Дурак повернул свою пятнистую плешивую голову, глядя, как Пилос поднимается по крутой железной лестнице на вышку, и его колокольчики зазвенели.

— На дне морском птицы носят чешую, а не перья, — сказал он. — Я знаю, я-то знаю.

Даже для дурака Пестряк являл собой жалкое зрелище. Может быть, когда-то над его шутками и смеялись, но море отняло у него

этот дар вместе с доброй половиной рассудка и всей его памятью. Тучный и дряблый, он постоянно дергался, трясся и нес всякий вздор. Теперь он смешил только девочку, и только ей было дело до того, жив он или умер.

Безобразная девочка, печальный шут и старый мейстер в придачу — вот история, способная исторгнуть слезы у любого.

— Посиди со мной, дитя. — Крессен поманил Ширен к себе. — Сейчас совсем еще рано, едва рассвело. Тебе следовало бы сладко спать в своей постельке.

— Мне приснился страшный сон про драконов. Они хотели меня съесть.

Девочка мучилась кошмарами, сколько мейстер ее помнил.

— Мы ведь с тобой уже говорили об этом, — сказал он ласково. — Драконы ожить не могут. Они высечены из камня, дитя. В старину наш остров был крайней западной оконечностью владений великой Валирии. Валирийцы возвели эту крепость и создали каменные изваяния с искусством, которое мы давно утратили. Замок, чтобы обороняться, должен иметь башни повсюду, где сходятся под углом две стены. Валирийцы придали башням форму драконов, чтобы сделать крепость более устрашающей, и с той же целью увенчали их тысячью горгулий вместо простых зубцов. — Он взял ее розовую ладонку в свои покрытые старческими пятнами руки и легонько пожал. — Ты сама видишь — бояться нечего.

Но Ширен это не убедило.

— А эта штука на небе? Далла и Матрис разговаривали у колодца, и Далла сказала, что слышала, как красная женщина говорила матушке, что это дракон выдыхает огонь. А если драконы дышат, разве они не могут ожить?

«Уж эта красная женщина, — уныло подумал мейстер. — Мало ей забивать своими бреднями голову матери, она еще и сны дочери должна отравлять. Надо будет поговорить с Даллой построже, внушить ей, чтобы не повторяла подобных историй».

— Огонь на небе — это комета, дитя мое, хвостатая звезда. Скоро она уйдет, и мы больше никогда в жизни ее не увидим. Вот помотришь.

Ширен храбро кивнула:

— Матушка сказала, что белый ворон извещает о конце лета.

— Это правда, миледи. Белые вороны прилетают только из Цитадели. — Пальцы мейстера легли на его цепь — все ее звенья были выкованы из разных металлов, и каждое символизировало его мастерство в особой отрасли знания. В дни своей гордой юности он

носил ее с легкостью, но теперь она тяготила его, и металл охлаждал кожу. — Они больше и умнее других воронов и носят только самые важные письма. В этом сказано, что Конклав собрался, обсудил наболюдения, сделанные мастерами по всему государству, и объявил, что долгое лето наконец завершилось. Десять лет, два месяца и шестнадцать дней длилось оно — самое длинное на памяти живущих.

— Значит, теперь станет холодно? — Ширен, летнее дитя, не знала, что такое настоящий холод.

— Да, со временем. Быть может, боги по милости своей пошлют нам теплую осень и обильные урожаи, чтобы мы могли подготовиться к зиме. — В народе говорили, что долгое лето предвещает еще более долгую зиму, но мастер не видел нужды пугать ребенка этими рассказами.

Пестряк звякнул своими колокольцами:

— На дне морском всегда стоит лето. Русалки вплетают водяные цветы в свои косы и носят платья из серебристых водорослей. Я знаю, я-то знаю!

— Я тоже хочу платье из серебристых водорослей, — хихикнула Ширен.

— На дне морском снег идет снизу вверх, а дождь сух, словно кость. Я знаю, уж я-то знаю!

— А у нас тоже будет снег? — спросила девочка.

— Да, будет. — (Хорошо бы он не выпадал еще несколько лет и недолго лежал.) — А вот и Пилос с птицей.

Ширен восторженно вскрикнула. Даже Крессен не мог не признать, что птица имеет внушительный вид: белая как снег, крупнее любого ястреба, с яркими черными глазами — последнее означало, что она не просто альбинос, а настоящий белый ворон, выведенный в Цитадели.

— Ко мне, — позвал мастер. Ворон расправил крылья, шумно пролетел через комнату и сел на стол перед Крессеном.

— А теперь я займусь вашим завтраком, — сказал Пилос. Крессен, кивнув, сказал ворону:

— Это леди Ширен.

Ворон мотнул головой, будто кланяясь, и каркнул:

— Леди. Леди.

Девочка раскрыла рот:

— Он умеет говорить?

— Всего несколько слов. Я говорил тебе — они умны, эти птицы.

— Умная птица, умный человек, умный-разумный дурак, — сказал шут, побрякивая колокольчиками, и запел: — Тени собра-

лись и пляшут, да, милорд, да, милорд. Не уйдут они отсюда, нет, милорд, нет, милорд. — Он перескакивал с ноги на ногу, брэнча и трезвоня вовсю.

Белый ворон закричал, захлопал крыльями и взлетел на железные перила лестницы, ведущей на вышку. Ширен как будто стала еще меньше.

— Он все время это поет. Я говорила, чтобы он перестал, но он не слушается. Я боюсь. Велите ему замолчать.

«Вряд ли у меня получится, — подумал старик. — В былое время я заставил бы его замолчать навеки, но теперь...»

Пестряк попал к ним еще мальчишкой. Светлой памяти лорд Стеффон нашел его в Волантисе, за Узким морем. Король — старый король, Эйерис II Таргариев, который в то время не совсем еще лишился рассудка, послал его милость подыскать невесту для принца Рейегара, не имевшего сестер, на которых он мог бы жениться. «Мы нашли великолепного шута, — написал лорд Крессену за две недели до возвращения из своей безуспешной поездки. — Он совсем еще юн, но проворен, как обезьяна, и остер, как дюжина придворных. Он жонглирует, загадывает загадки, показывает фокусы и чудесно поет на четырех языках. Мы выкупили его на свободу и надеемся привезти домой. Роберт будет от него в восторге — быть может, он даже Станниса научит смеяться».

Крессен с грустью вспоминал об этом письме. Никто так и не научил Станниса смеяться, а уж юный Пестряк и подавно. Откуда ни возьмись сорвался шторм, и залив Губительные Валы оправдал свое имя. «Горделивая» — двухмачтовая галера лорда Стеффона — разбилась в виду его замка. Двое старших сыновей видели со стены, как море поглотило отцовский корабль. Сто гребцов и матросов потонули вместе с лордом Стеффоном и его леди-женой, и прибой долго еще выносил тела на берег близ Штормового Предела.

Шута выбросило на третий день. Мейстер Крессен был при этом — он помогал опознавать мертвых. Шут был гол, вывалян в мокром песке, кожа на его теле побелела и сморщилась. Крессен счел его мертвым, как и всех остальных, но, когда Джомми взял парня за лодыжки и поволок к повозке, тот вдруг выкашлял воду и сел. Джомми до конца своих дней клялся, что Пестряк был холодным, как медуза.

Никто так и не узнал, как провел Пестряк эти два дня. Рыбаки уверяли, что какая-то русалка научила его дышать под водой в обмен на его семя. Сам Пестряк ничего не рассказывал. Шустрый остряк-парнишка, о котором писал лорд Стеффон, так и не до-

брался до Штормового Предела; вместо него нашли другого человека, сломленного духом и телом, — он и говорил-то с трудом, какие уж там острофы! Но по его лицу сразу было видно, кто он. В вольном городе Волантисе принято татуировать лица рабов и слуг, и парень ото лба до подбородка был разукрашен в красную и зеленую клетку.

«Бедняга рехнулся, весь изранен и не нужен никому, а меньше всего самому себе, — сказал старый сир Харберт, тогдашний кастелян Штормового Предела. — Милосерднее всего было бы дать ему чашу макового молока. Он уснет, и все его страдания кончатся. Он поблагодарил бы вас за это, останься у него разум». Но Крессен отказался и в конце концов одержал победу. Впрочем, он не знал, доставила ли его победа хоть сколько-нибудь радости Пестряку — даже и теперь, много лет спустя.

— Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд, — пел дурак, мотая головой и вызванивая: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

— Милорд, — прокричал белый ворон. — Милорд, милорд, милорд.

— Дурак поет, что ему в голову взбредет, — сказал мейстер своей напуганной принцессе. — Не надо принимать его слова близко к сердцу. Завтра он, глядишь, вспомнит другую песню, а эту мы больше не услышим. — «Он чудесно поет на четырех языках», — писал лорд Стеффон...

— Прошу прощения, мейстер, — сказал вошедший Пилос.

— Ты забыл про овсянку, — усмехнулся Крессен — это было не похоже на Пилоса.

— Мейстер, ночью вернулся сир Давос. Я услышал об этом на кухне и подумал, что надо тотчас же оповестить вас.

— Давос... ночью, говоришь ты? Где он сейчас?

— У короля. Он почти всю ночь там пробыл.

В прежние годы лорд Станнис велел бы разбудить мейстера в любое время, чтобы испросить его совета.

— Надо было мне сказать, — расстроено произнес Крессен. — Надо было разбудить меня. — Он выпустил руку Ширен. — Простите, миледи, но я должен поговорить с вашим лордом-отцом. Проводи меня, Пилос. В этом замке чересчур много ступенек, и мне сдается, что они назло мне прибавляются каждую ночь.

Ширен и Пестряк вышли вместе с ними, но девочке скоро надоело приноравливаться к шаркающей походке старика, и она убежала вперед, а дурак с отчаянным трезвонном поскакал за ней.

«Замки немилостивы к немощным», — сказал себе Крессен, спускаясь по винтовой лестнице башни Морского Дракона. Лорд Станнис находился в Палате Расписного Стола, в верхней части Каменного Барабана, центрального строения Драконьего Камня, — так его прозвали за гул, издаваемый его древними стенами во время шторма. Чтобы добраться до Барабана, нужно пройти по галерее, миновать несколько внутренних стен с их сторожевыми горгульями и черными железными воротами и подняться на столько ступенек, что даже думать об этом не хочется. Молодежь перескакивает через две ступеньки зараз, но для старика с поврежденным бедром каждая из них — сущее мучение. Ну что ж, придется потерпеть, раз лорд Станнис не идет к нему сам. Хорошо еще, что можно опереться на Пилоса.

Ковыляя по галерее, они прошли мимо ряда высоких закругленных окон, выходящих на внешний двор, крепостную стену и рыбацкую деревню за ней. На дворе лучники практиковались в стрельбе по мишеням, и слышались команды: «Наложи — натяни — пускай». Стрелы производили шум стаи взлетающих птиц. По стенам расхаживали часовые, поглядывая между горгульями на войско, стоящее лагерем внизу. В утреннем воздухе плыл дым от костров — три тысячи человек стряпали себе завтрак под знаменами своих лордов. За лагерем стояли на якоре многочисленные корабли. Ни одному судну, прошедшему в виду Драконьего Камня за последние полгода, не позволялось уйти с острова. «Ярость» лорда Станниса, трехпалубная боевая галера на триста весел, казалась маленькой рядом с окружавшими ее пузатыми карраками и барками.

Часовые у Каменного Барабана знали мастеров в лицо и пропустили беспрепятственно.

— Подожди меня здесь, — сказал Крессен Пилосу, войдя внутрь. — Будет лучше, если я пойду к нему один.

— Уж очень высоко подниматься, мастер.

— Думаешь, я сам не помню? — улыбнулся Крессен. — Я так часто взбирался по этим ступенькам, что знаю каждую по имени.

На половине пути он пожалел о своем решении. Остановившись, чтобы перевести дыхание и успокоить боль в ноге, он услышал стук сапог по камню и оказался лицом к лицу с сиром Давосом Сивортом, сходящим навстречу.

Давос был худощав, а его лицо сразу выдавало простолюдина. Поношенный зеленый плащ, выцветший от солнца и соли, покрывал его тощие плечи поверх коричневых, в тон глазам и волосам,

дублета и бриджей. На шее висела потертая кожаная ладанка, в бороде густо сквозила седина, перчатка скрывала искалеченную левую руку. Увидев Крессена, он приостановился.

— Когда изволили вернуться, сир Давос? — спросил мейстер.

— Еще затемно. В мое излюбленное время.

Говорили, что никто не может провести корабль в темноте хотя бы наполовину так искусно, как Давос Беспалый. До того как лорд Станнис посвятил его в рыцари, он был самым отпетым и неуловимым контрабандистом во всех Семи Королевствах.

— И что же?

Моряк покачал головой:

— Все так, как вы и предсказывали. Они не пойдут с ним, мейстер. Они его не любят.

«И не полюбят, — подумал Крессен. — Он сильный человек, одаренный, даже... даже мудрый, можно сказать, но этого недостаточно. Всегда было недостаточно».

— Вы говорили со всеми из них?

— Со всеми? Нет. Только с теми, что соизволили принять меня. Ко мне они тоже не питают любви, эти благородные господа. Для них я всегда буду Луковым Рыцарем. — Короткие пальцы левой руки Давоса сжались в кулак, — Станнис велел обрубить их на один сустав, все, кроме большого. — Я разделил трапезу с Джулианом Сванном и старым Пенрозом, а Тарты встретились со мной ночью, в роще. Что до других, то Дерик Дондаррион то ли пропал без вести, то ли погиб, а лорд Карон поступил на службу к Ренли. В Радужной Гвардии он теперь зовется Брюсом Оранжевым.

— В Радужной Гвардии?

— Ренли учредил собственную королевскую гвардию, — пояснил бывший контрабандист, — но его семеро носят не белое, а все цвета радуги, каждый свой цвет. Их лорд-командующий — Лорас Тирелл.

Очень похоже на Ренли Баратеона: основать новый блестящий рыцарский орден в великолепных ярких одеждах. Еще мальчишкой он любил яркие краски, богатые ткани и постоянно придумывал новые игры. «Смотрите! — кричал он бывало, бегая со смехом по залам Штормового Предела. — Я дракон», или: «Я колдун», или: «Я бог дождя».

Резвый мальчик с буйной гривой черных волос и веселыми глазами теперь вырос — ему двадцать один год, но он продолжает играть в свои игры. Смотрите: я король. «Ох, Ренли, Ренли, милое

дителя, знаешь ли ты, что делаешь? А если бы и знал — есть ли кому до тебя дело, кроме меня?» — печально подумал Крессен.

— Чем объясняли лорды свой отказ? — спросил он сира Давоса.

— Это все делали по-разному — кто деликатно, кто напрямик, кто извинялся, кто обещал, кто попросту врал. Да что такое слова, в конце концов? — пожал плечами Давос.

— Неутешительные же вести вы ему привезли.

— Что поделаешь. Я не стал обманывать его ложными надеждами — сказал все начистоту.

Мейстер Крессен вспомнил, как посвятили Давоса в рыцари после снятия осады Штормового Предела. Лорд Станнис с небольшим гарнизоном около года удерживал замок, сражаясь против многочисленного войска лордов Тирелла и Редвина. Защитники были отрезаны даже от моря — его днем и ночью стерегли галеи Редвина под винно-красными флагами Бора. Всех лошадей, собак и кошек в Штормовом Пределе давно уже съели — настала очередь крыс и кореньев. Но однажды в ночь новолуния черные тучи затянули небо, и Давос-контрабандист под их покровом пробрался мимо кордонов Редвина и скал залива Губительные Валы. Трюм его черного суденышка с черными парусами и черными веслами был набит луком и соленой рыбой. Как ни мал был этот груз, он позволил гарнизону продержаться до подхода к Штормовому Пределу Эддарда Старка, прорвавшего осаду.

Лорд Станнис пожаловал Давосу тучные земли на мысе Гнева, маленький замок и рыцарское звание... но приказал отрубить суставы на пальцах его левой руки в уплату за многолетние бесчинства. Давос подчинился, но с условием, что Станнис сделает это сам, отказываясь претерпеть такую кару от человека более низкого звания. Лорд воспользовался тесаком мясника, чтобы исполнить свою задачу вернее и чище. Давос выбрал для своего вновь учрежденного дома имя Сиворт*, а гербом — черный корабль на бледно-сером поле, с луковицей на парусах. Бывший контрабандист любил говорить, что лорд Станнис оказал ему благодеяние — теперь ему на четыре ногтя меньше приходится чистить и стричь.

Да, такой человек не станет подавать ложных надежд, не станет смягчать горькую правду.

— Сир Давос, истина может стать тяжким ударом даже для такого человека, как лорд Станнис. Он только и думает о том, как

---

* Это можно перевести как «Достойный моря».

вернется в Королевскую Гавань во всем своем могуществе, сокрушит своих врагов и возьмет то, что принадлежит ему по праву. А теперь...

— Если он двинется с этим жалким войском на Королевскую Гавань, то обречет себя на погибель. Не с таким числом туда выступать. Я ему так и сказал, но вы ведь знаете, как он горд. Скорее мои пальцы отрастут заново, чем этот человек прислушается к голосу рассудка.

Старик вздохнул.

— Вы сделали все, что могли. Теперь я должен присоединить свой голос к вашему. — И он устало возобновил свое восхождение.

Лорд Станнис Баратеон занимался делами в большой круглой комнате со стенами из голого черного камня и четырьмя узкими высокими окнами, выходящими на четыре стороны света. В центре ее стоял стол, от которого и происходило ее название, — массивная деревянная колода, вырубленная и обработанная по велению Эйгона Таргариена еще до Завоевания. Расписной Стол имел более пятидесяти футов в длину, половину этого в самом широком месте и менее четырех футов в самом узком. Столяры Эйгона вытесали его в виде карты Вестероса, старательно выпилив по краям все мысы и заливы. На его поверхности, покрытой потемневшим за триста лет лаком, были изображены Семь Королевств времен Эйгона: реки и горы, города и замки, леса и озера.

Единственный в комнате стул стоял в точности на том месте, которое занимал Драконий Камень у побережья Вестероса, и был слегка приподнят для лучшего обзора карты. На нем сидел человек в туго зашнурованном кожаном колете и бриджах из грубой бурой шерсти. Когда мейстер вошел, он поднял голову.

— Я знал, что ты придешь, старик, даже и незванный. — В его голосе не было тепла — ни сейчас, да, впрочем, и почти никогда.

Станнис Баратеон, лорд Драконьего Камня и милостью богов законный наследник Железного Трона Семи Королевств, был человеком плечистым и жилистым. Его лицо и тело было покрыто кожей, выдубленной на солнце и ставшей твердой как сталь. Люди считали его жестким, и он действительно был таким. Ему еще не исполнилось тридцати пяти, но он уже сильно облысел, и остатки черных волос окаймляли его голову за ушами словно тень короны. Его брат, покойный король Роберт, в свои последние годы отпустил бороду. Мейстер Крессен не видел его с бородой, но говорили, что это была буйная поросль, густая и косматая. Станнис, будто